

«МАНИТ ИСКУШЕНИЯ СЛАДКИЙ ДУРМАН...»

Звезда российской мюзикловой сцены, обладатель лирического тено-ра **Иван Ожогин** давно закрепил за собой право на образы всевозможных демонических личностей. Свое сорокалетие актер отметил на сцене **Кельнского Дома Мюзикла** в роли **графа фон Кролока**. Исполнение этой партии в российском «**Бале вампиров**» принесло Ивану «Золотую Маску». Так ли уж inferнальны его герои? Искушая своих жертв, не подвержены ли «демоны» Ожогина еще более сильному и необоримому искушению?..

Уроженец Ульяновска, Иван начинал свой сценический путь в детском хоре при Дворце пионеров. Потом была музыкальная школа, актерский факультет при Ульяновском драматическом театре, Му-

зыкальное училище имени Гнесиных и факультет музыкального театра ГИТИСа. Как профессиональный артист Ожогин дебютировал в Москве. Уникальные голо-совые данные, фактура «героя» помимо мастерства, трудолюбия и везения позволили ему встать в авангарде отечественного музыкального театра. Творческие интересы привели актера в **Санкт-Петербург**. Какое-то время он жил «где-то между Ленинградом и Москвой», пока окончательно не перебрался в город на Неве. Именно здесь Ожогин играет своего Кролока, Воланда, Джекилла и Хайда. В период учебы ни о какой дьяволиаде речи не шло. Студент Ожогин, много проживая внутри, «скромничал» во внешней выразительности. Педагоги по-лушутя называли Ивана актером «скрыто-

«Распутин». В роли Юсупова. Фото И. Шымчак

«Норд-Ост». В роли Ромашова. Фото Basil Pro

го темперамента» и, чтобы «раскачать» его, нередко давали характерные роли. Водевильный оттенок носил и дебют Ивана в образе сентиментальной журналистки **Мэри Саншайн** в постановке «**Чикаго**» (композитор **Джон Кандер**). Роли такого «облегченного» плана еще встретятся на пути актера, но лишь ярче оттенят главную тему; доведется поработать и в женском платье, но в трагическом ключе.

Уже в мюзикле Алексея Иващенко и Георгия Васильева «**Норд-Ост**» в роли **Ромашова** от характерности не осталось и следа. Завладев письмом Татарина, милый Ромашка цинично устранял Саню, соперника в борьбе за сердце Кати, и получал покровительство Николая Антоновича. Но, шантажируя патрона, Ромашов и сам боялся разоблачения. В блокадном Ленинграде он живописал Кате встречу с Саней в санитарном поезде: «Я пытался, но, каюсь, не спас». В этой «арии вра-

нья» Ромашов-Ожогин достигал размаха гоголевского Хлестакова. Потом ту же песенку, как «я сумел их найти, но спасти не успел» он споеет Сане, не забывая поглядывать: есть ли эффект? Ария «Это не я!» — квинтэссенция характера Ромашова. Ожогин играл лихорадочно, вместе с музыкой ускоряясь в рефренах, раскручивая вихрь эмоций: ярость на живучесть Сани, на отказ Кати, на свою трусость и ничтожность; подлость, бессилие и жалкая попытка убедить себя в своей невиновности. К финалу актер доводил своего героя до иступления.

Непосредственно с темой Инферно как ее антагонист Ожогин впервые столкнулся на сцене Театра Сатиры в музыкальной притче **Юрия Шерлинга «Черная уздечка белой кобылицы»**. Иван признается, что в этой работе «школа», полученная во время учебы, обрела действительную конкретность. Шерлинг посвятил молодого актера в «кухню» музы-

«Бал вампиров». В роли графа фон Кролока. Фото М. Ковалевой

кального театра, в его законы и механизмы. Праведный юноша, единственный в местечке, кто противостоял соблазнам Дьявола, Ожогин-Йоселе был одержим предчувствием общей беды и страхом за гибнущую душу своей возлюбленной. Финальная ария-молитва в белом хитоне читается как парафраз на рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда». Сыграть в рок-опере актеру пока не довелось, однако в концертах он исполняет арии и Христа, и Иуды, и каждый раз это поиск того, как и о чем ты говоришь с небесами.

Мотив противостояния темным силам развивается в роли князя Юсупова в опере «Распутин» «Геликон-Оперы». Распутин в спектакле — дьявол в облике старца, растлитель великих княжон, манипулятор, играющий на чувствах матери. Но Юсупов — не ангел. У Ожогина это личность, сильная в страстях и поступках, наделенная интуицией,

острым умом, артистизмом. Детально сыгранные микрооценки — полуобороты, взгляды — делают образ живым, по-настоящему историческим. А сложнейшая полифоническая партитура требует от актера высокого вокального мастерства. В финале первого акта Юсупов предстает в роли дивы кабаре. Поначалу не веришь своим глазам: так изящен и пластичен артист в сверкающем блесками черном платье. Вечерний туалет обретает роковой смысл, когда на глазах у Юсупова кончатся с собой доктор, и Юсупов замышляет отравить Распутина. Яд не действует, и князь вынужден стрелять. Ожогин не играет хладнокровного убийцу: его Юсупова мутит от напряжения и кровавой развязки. Над телом поверженного демона князь посылает ему проклятия. Они так горячи, что Распутин, восстав из мертвых, пытается задушить убийцу. Не собственная ли ненависть душит Юсупова?..

Заложником своих страстей и комплексов оказывается **Фантом** в «Призраке оперы» **Эндрю Ллойда Уэббера** компании «Стейдж Интертейнмент». «Ангел музыки», которого сочинил для утешения Кристин ее отец, материализуется в злом гении Призрака. Маска скрывает его страшное лицо, а восхитительный голос — изуродованную душу. Блистательно проводит Иван финальную сцену, подводя итог судьбы героя. Поцелуй Кристин не может вернуть Фантому красоту лица, но исцеляет его душу. «Развоплощаясь», он, может быть, снова становится ангелом...

Единым в двух лицах предстает Иван в мюзикле **Фрэнка Уайлдхорна** «**Джекилл и Хайд**» **Санкт-Петербургского театра Музыкальной Комедии**. В результате научного эксперимента над самим собой доктор **Джекилл** высвобождает агрессивного неуправляемого **Хайда**. Условно меняя внешний вид, актер существует в постоянной смене вокальных и пластических характеристик, плотность которой достигает апогея в арии «Конфронтация». Как неразделимы Джекилл и Хайд, так сплетаются в исполнении актера и две основные темы — социальная и психологическая.

Если в «Джекилле и Хайде» Иван сыграл «два в одном», то в мюзикле «**Демон Онегина**», основанном на музыке **П.И. Чайковского**, **Глеба Матвейчука** и **Антоня Танована** Санкт-Петербургского театра «**ЛДМ — Новая сцена**», образ поделили между тремя актерами. Такое решение создает интересные мизансцены, но лишает роли объема. Старому Онегину уготован удел безумца, страстность отдана Демону, а самому **Онегину** достается «сплин». Ожогин играет Евгения светским господином с изысканными манерами. А Демон ловко исполняет его мысли, обольщает Татьяну и разжигает страсть в душе Онегина, когда он пишет ей после бала. Письмо Онегина актер не поет, а читает, демонстрируя прекрасное владение поэтическим словом. Как и Онегин, «не создан для бла-

«Мастер и Маргарита». В роли Воланда.
Фото М. Ковалевой

женства» **Тригорин**, воплощенный Ивановом на сцене **Театра Луны** в спектакле «**Чайка. Мюзикл**» (композиторы **Сергей Капацинский**, **Татьяна Солнышкина**, **Георгий Юн**, режиссеры **Те Сик Кан** и **Артем Каграманян**). Тригорин не живет своей жизнью, для него все «лишь повод для письма». Он пуст: вытряси из него «беллетристику», и останется только обложка. Никакими inferнальными качествами актер своего героя не наделяет, но, по сути, он ходячий мертвец. Тем страшнее его недолгое «пробуждение». Очаровываясь sweetnessю Нины, Тригорин обольщает ее, хотя заранее знает развязку: «Случайно пришел человек, увидел и погубил».

Совсем иным — азартным, полным жизни — рисует своего героя артист в музыкально-драматическом спектакле «**Прозрачные краски**» (музыка **Елизаветы Панченко**, режиссер **Валерий Владимиров**). **Генрих Ахт**, карикатурист с дьявольски беспощадным умом и фантазией, одержим страстью к авантюрам и не меньшей страстью к Магде. В основе спектакля лежит драматическое действие, а музыкальная сторона выражена зонгами-апартами. Точность и внятность своих работ в музыкальном театре Иван Ожогин не утратил и в драме: его органичность и многоплановость явлены здесь со всей очевидностью.

Партия графа фон Кролока в «**Бале вампиров**» (композитор **Джим Стейнман**) прозвучала в исполнении Ожогина буквально на всю Европу: он единственный, кто играет эту роль на русском и немецком языках. Надо сказать, что актер по-разному ощущает себя в обеих версиях, что отчасти обусловлено костюмом. Если в российском спектакле модные узконосые туфли и свободный крой брюк делают Кролока вполне современным, то его немецкого собрата в ботинках на толстом каблуке, узких легинсах и тяжелом длинном плаще можно отнести к средневековой готике.

На первой встрече с режиссером Ожогин озадачил его вопросом: «Про что будет спектакль?» Тот не ожидал, что российский актер будет так глубоко «копать» в черной комедии. Артист создает образ подробно психологичный. Его Кролоком движет не банальная жажда крови. Чего стоит хотя бы столь жизненное: «Разрушаю я все, что люблю!..» В этой сцене актер работает без кльков — внутренний мир графа явно важнее «природы» вурдалака. Ожогин играет настоящий драматический монолог-исповедь: идиллическую картину первой любви завершают слезы горечи по своим жертвам, а их сменяют отказ от раскаяния и страшное пророчество о при-

шествии жестокого Бога кровавой жакды. Последнее звучит неотвратимо, и для черной комедии актуально.

Сменив графский титул на княжеский, Ожогин в образе **Воланда** правит бал на сцене театра «ЛДМ — Новая сцена» (над музыкальным оформлением работали **Антон Танонов**, **Сергей Рубальский**, **Ольга Томаз**, **Олег Попков**, **Александр Маев**). За 40 лет сценической жизни романа «**Мастер и Маргарита**» установилась традиция в воплощении Князя Тьмы: его отличают хладнокровие и бесстрастность. Оно и понятно: имеет ли субстанция эмоции, сказать сложно. В мюзикловой версии Воланд-Ожогин, внешне сдержанный и строгий, несомненно, умеет чувствовать. «Страх и любовь разлив по бокалам», он сам отравлен адским напитком. Завладев душой Маргариты, мессир завладел бы миром, выиграв вечный спор с Богом. Проиграв, он оставляет ее Господу и Мастеру. Свою просьбу вернуть ей Мастера, Маргарита буквально вкладывает в уста Воланда: она бросается ему в объятия, и губы их едва не сливаются в поцелуе. Вместе с ускользающим поцелуем Воланд теряет гораздо больше, чем власть над миром. Маргарита — его спасение от одиночества. Мир, которым он хотел завладеть через нее, не имеет смысла без нее.

Мюзикл, опера, музыкально-драматический спектакль или музыкально-цирковое ревью, многолюдное шоу или сольный концерт — везде Иван Ожогин остается, прежде всего, актером большой драматической глубины. «Искушения сладкий дурман» делает его «демонов» при всей их силе, амбициях и всезнании людьми, испытывающими вполне человеческое чувство: «нам знаком при жизни предмет боязни: пустота вероятней и хуже ада». Именно в своей «человечности» герои Ивана Ожогина так разнообразны и притягательны.

Татьяна КАВЕРЗИНА